

Альбер Камю, лауреат Нобелевской премии (1957 год), наиболее читаемый в Европе из всех французских писателей, погиб в автомобильной катастрофе 4 января 1960 года. И вот, спустя 34 года, выходит в свет его новая книга «Первый человек». Сенсация литературного сезона! Опубликовать произведение решила дочь писателя Катрин, посвятившая всю себя наследию великого отца, отказавшись для этого от своих адвокатских занятий. Когда умер Камю, ей было всего 14. Она живет сейчас в родительском доме в Лурмарэне. С ней побеседовала корреспондент журнала «Мадам Фигаро» Жаник Жоссен.

Альбер

Камю, мой отец

— Какова история книги «Первый человек»?

— Рукопись нашли в машине после катастрофы. Она была в сумке отца. 144 страницы. Они были написаны в основном в Лурмарэне, в доме, который он купил в 1958-м на Нобелевскую премию.

— Это незаконченная рукопись?

— Это просто черновик. Мой отец обычно сначала писал от руки, затем отдавал перепечатать на машинке и уже по этому тексту делал три, четыре, шесть вариантов. А первый — необработанный поток, фонтанирование, трудное для расшифровки. Почерк жуткий, пунктуация отсутствует. И ощущение лихорадочной поспешности, как будто он хотел все зафиксировать, чтобы не забыть. Иногда заметно, что он продолжал дописывать строку, когда в пере уже не было чернил, или макал перо в чернила.

— А как же план книги, композиция?

— Листки были рассыпаны, но, по счастью, пронумерованы. Я разбила их по главам, обозначенным на маленьких кусочках бумаги, приклеенных тут же: «Школа», «Детские игры», «Семья», «Бабушка» и т. д. Это вмешательство минимально. Проставила лишь необходимые знаки препинания.

— Но почему все же на протяжении 34 лет эта рукопись оставалась неизвестной?

— Мама сомневалась, надо ли ее публиковать. Ведь отец говорил ей о сюжете этой книги: «Не знаю, не переделывать ли все заново». Она советовалась с друзьями Камю, и они высказались против публикации, так как речь шла о незаконченной работе с несовершенствами, ошибками, повторами и т. д. Это могло лить воду на мельницу тех, кто ненавидел Камю. До 1980 года они были весьма многочисленны среди французских интеллектуалов. Теперь — другое дело. Мой брат Жан и я сама думаем, что настало время опубликовать запись.

— А как вы думаете, ваш отец это опубликовал бы?

— В таком виде — вряд ли. Этот текст чересчур автобиографичен, и мой отец, будучи очень стыдливым, не позволил бы ему появиться в столь откровенном виде. Это действительно черновик, вроде канвы романа, который в проекте. Впрочем, главные его линии имеются в записках, дневниках и планах, которые я поместила в приложение к «Первому человеку».

— Было ли известно о существовании текста?

— Да. Особенно преподавателям университета. Камю говорит об этом в своих тетрадях. Некоторые из них настаивали на публикации. Но мое положение по отношению к этой работе... Я считала себя более «имеющей долг», чем «имеющей права». Ужасное слово.

— В этом очень автобиографичном тексте вы, должно быть, узнали истории, которые он вам рассказывал?

— Мой отец не рассказывал о себе много, а когда он это делал, то скорее в педагогических целях. Так он нам поведал эпизод с обувью. Камю, когда учился в школе, был страстно увлечен футболом, но бабушка запрещала ему играть, портить обувь. Она велела прибить подошвы гвоздями и каждый вечер проверяла, не отстали ли подошвы. Если его выдавали гвозди, то его наказывали хлыстом из бычьих жил.

— Зачем он вам это рассказывал?

— Когда мы жаловались, что отец с нами слишком суров, он вспоминал о бабушкином хлысте. Мы не могли такого понять и называли эту бабушку «чудовищем».

— Часто ли воскрешал он в памяти свое бедное детство?

— Он не говорил об этом, как о несчастье. Так было. И все.

— В книге «Первый человек» возникает очень сильный образ учителя, мсье Жермена. Вы уже знали, что мсье Жермен приходил к ним домой убеждать его бабу и мать, чтобы они позволили мальчику продолжить учебу в лицее?

— Нет, он нам рассказы-

вал о своем учителе, но не это. Это я узнала из рукописи. Он дает потрясающий портрет г-на Жермена. Этот человек был ему как отец в критические моменты. Поэтому я и дала в приложении письмо, которое Альбер Камю отправил ему на следующий день после присуждения Нобелевской премии: «Когда я узнал эту новость, моя первая мысль, после моей матери, была о вас. Без вас, без ласковой руки, которую вы протянули маленькому бедному ребенку, каким я был, без вашего обучения и вашего примера ничего этого не случилось бы». Такое письмо может быть и сейчас посланием надежды всем учителям в момент глубоких сомнений, затруднений.

— Кто «Первый человек»? Это сам Альбер Камю?

— Первый человек для Камю это тот, кто не имеет корней, ориентиров. Он говорил, что бедняки не имеют прошлого, они — из пыли этой земли. Без воспоминаний. Конечно, он-то знал своих предков, так как он смог их потом разыскать, но моя бабушка или мой дед их практически не знали. Да это и не имело для них никакого значения. Они должны были жить в настоящее время и все. Он говорил о «первом человеке» именно в этом смысле. Он и в посвящении написал — «той, кто не сможет прочесть никогда эту книгу», то есть матери Катрин, которая была неграмотна.

— А для творчества Камю это — важный текст?

— Я полагаю, это исключительный текст. Прежде всего по причине его автобиографического характера. И потому, что здесь обнаруживаются фундаментальные темы творчества: чувство ссылки в себя, отсутствия отношения. Я думаю также о его речи в Стокгольме, когда он сказал, что предназначение артиста — дать слово тем, кто его не имеет.

— Когда умер ваш отец, вам было 14. Как вы восприняли эту драму?

— Сначала была ужасная паника, множество людей в доме. Потом нас с братом от-

вели к друзьям. Мы не могли выйти из дому из-за журналистов. До сих пор я сохранила определенную фобию к прессе.

— Отдавали вы себе отчет, что ваш отец был знаменитый человек?

— Абсолютно нет, мы были очень защищены. В доме не было ни радио, ни телевизора.

— А когда он получил Нобелевскую премию?

— Нет, и тогда мы были укрыты от шумихи. Когда я увидела эту церемонию по телевизору, я думала, что смотрю кино. Нереально. И потом — это была не моя история, а родителей. А я хотела быть акробатом и спрашивала, есть ли Нобелевская для акробатов. В общем, я поняла, что он был знаменит, когда он умер. Это было очень тяжело. Мне говорили: «Да, но он оставил свои книги», но что это было для нас? В общем, я избегала всего этого до смерти моей матери в 1979 году, когда я стала «по статусу» дочерью Альбера Камю. Я не жрица в храме своего отца, не хранительница духа... Но какое-то вмешательство иногда необходимо, есть злоупотребления. В США выпустили рекламу: фото Камю со стаканом пива и девиз: «Что толкает человека к действию?» Затем марка пива. Я хотела бороться с этим, но в США гонорары адвокатов так высоки, что это невозможно. Нужно израсходовать 25 тысяч долларов или оставить их в полной безнаказанности.

— Думаете ли вы, что найдутся неизвестные тексты Камю?

— В рукописях — не думаю. Но в письмах — наверняка.

— Каким, по-вашему, был ваш отец?

— Пылким. И не лгал нам.

● На церемонии присуждения Нобелевской премии.

Слева — Альбер Камю и его жена Франсин.

● Альбер и Франсин с детьми — Жаком и Катрин. Июль 1946 года.

Материал подготовил
К. АЛЕКСЕЕВ.
Фото из журнала
«Мадам Фигаро».